

КЛИТИКИ В «ПРОСТОЙ МОВЕ». ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ И ЧАСТИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕТЬИ 1489 Г.)

Екатерина Андреевна Смирнова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: katarzina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5763-6662

Аннотация

В исследовании дается характеристика поведения клитик в «простой мове». Частица *ся* в Четье 1489 г. иногда может стоять в ранее невозможной позиции — после неодночленной актантной группы; кроме того, клитика *ся* рассматривается в Четье в рамках устоявшихся синтаксических клише. В статье также описаны характерные особенности употребления частиц *бы* и *чи* (с модальным оттенком значения, близким современным частицам *разве*, *неужели*), функционально меняющих синтаксическую роль клитик на союзную. Исследование проведено на материале Четьи (-Минеи) 1489 г., дидактические гомилии (проповеди) которой, осуждая пороки и восхваляя добродетели, демонстрируют функциональное разнообразие местоимений. При употреблении личного местоимения 1 л. ед. ч. в памятнике наблюдается стилистическая дистрибуция: церковнославянская форма *азъ* используется преимущественно в речи, принадлежащей Господу, а разговорная «простомовная» форма *я* — в речи апостолов и пророков. Характерным для Четьи является частотное определительное местоимение *сам*, которое может выражать кореференцию с субъектом предложения и функционально сближаться с категорией возвратности. Местоимения могут употребляться в памятнике как самостоятельные единицы, так и в анафорических цепочках с кореферентностью местоимения и антецедента. Или некорреферентностью — если местоимение отсылает ко всему предшествующему предложению (т. е. выступает в функции детерминатива). В силу жанровых особенностей текст Четьи характеризуется повышенной персуазивностью и генерализацией изложения. Это достигается, в частности, синтаксическим приемом — анафорическими цепочками с кванторным антецедентом (подобный тип связи называется *связывание переменной*). Квантор в преобладающем большинстве случаев выражается местоимениями *что* или (реже) *который*, *всякъ*, объединяемыми гиперонимом ‘всякий, любой’ и входящими в синтаксическую конструкцию: (*всякий*) *кто...*, *тот...*

Ключевые слова

«Проста мова», Четья 1489 года, местоименный узус, клитики, анафорические цепочки, кванторный антецедент

Статья поступила в редакцию 11 июня 2025 г.

Статья доработана автором 20 ноября 2025 г.

Статья принята в печать 24 ноября 2025 г.

Цитирование: Смирнова Е. А. Клитки в «простой мове». Особенности функционирования местоимений и частиц (на материале Четьи 1489 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 237–250. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.11>

CLITICS IN PROSTA MOVA. THE USAGE OF PRONOUNS AND PARTICLES IN 1489 MENAION READER (CHET'YA-MINEYA)

Ekaterina A. Smirnova

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: katarzina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5763-6662

Abstract

The article addresses the functions of pronouns and some non-pronominal clitics in the Prosta Mova. As a corpus it uses the 1489 Menaion Reader (Chet'ya-Mineya). In the capacity of the 1st person singular pronoun, the Church Slavonic form *азъ* (az) is used in the speech attributed to God, while the form *я* (ya) is used in the speech attributed to apostles and prophets. One of the characteristic features of the text is the frequent use of the reflexive pronoun *сам* '(one)self,' which can express coreference with the sentence subject and functionally approach the category of reflexivity. The clitic *ся* (sya) occurs in Chet'ya in well-established syntactic clichés.

The article also describes the functions of the particle *бы* (by), used in the text as a conjunction in the clause-initial position; and of the interrogative particle *чи* (chi) close in the meaning to the Modern Russian particles *разве, неужели* (razve, neuzheli).

The text frequently uses the correlative construction with the relative pronoun *хто* (khto) or (less often) *которым*, sometimes modified by the universal quantifier *всакъ*. The correlate then is the pronoun to 'that'.

Keywords

Prosta mova, Menaion Reader 1489, pronouns, clitics, anaphoric chains, quantifier antecedent.

Received 11 June 2025

Revised 20 November 2025

Accepted 24 November 2025

For citation: Smirnova, E. A., 2025. Clitics in Prosta Mova. The Usage of Pronouns and Particles in 1489 Menaion Reader (Chet'ya-Mineya). *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (3–4), pp. 237–250. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.11>

Исследование посвящено описанию характерных «простомовных» черт в узусе местоимений и частиц в конфессиональном памятнике XV в. — Четье-Минее 1489 г. Языковая основа Четьи является церковнославянской, однако диалектные черты «простой мовы» уже отчетливо проявляются в тексте памятника и вписываются в общую картину становления и развития литературного языка Великого княжества Литовского.

Четья 1489 г.¹ состоит из двух частей: Торжественника минейного и Златоуста пятидесятого, переплетенных вместе в конце XV в. Основным писцом был попович Березка (из района Берестя или из Подляшья), сын литовского попа Симеона Долбнича. Имена еще троих писцов, работавших над текстом Торжественника, неизвестны. Данное исследование проводилось на материале второй части Четьи (лл. 288–375), написанной одним писцом и являющейся комбинацией бесед Иоанна Златоуста и Измарагда.

По мнению Л. Гнатенко, кодексы стоит считать скорее копиями, нежели списками², так как их основные фонетические, морфологические и лексические особенности являются чисто украинскими или общими для украинского и белорусского языков. Четье присущи черты юго-западного белорусского³ и северо-украинского наречий, которые, безусловно, граничили и контактировали между собой.

Кодексы переписаны с древних протографов, правописание которых было двуеровым и одноюсовым (♣). Палеографический анализ показал, что временем перевода текстов следует считать не 1489 г. (6997), а намного более ранний, и сделаны они были в одном скриптории⁴. Торжественник был переписан с рукописи 1397 г. (6905), тогда же был сделан перевод с церковнославянского на «просту мову». Протографом, с которого был списан Златоуст, является рукопись, созданная не позднее середины XIV века, — к этому времени складывается прототип Торжественника триодного и Златоуста как сборников проповедей. Графико-орфографические особенности памятника отражают систему орфографии украинских скрипториев конца XIV — начала XV в.

І. Язык памятника имеет ряд характерных особенностей местоименного узуса. Для личных местоимений в «простой мове», как в древнерусском языке, характерно употребление параллельных полноударных (ортотонических) форм и энклитик. Последние являются языковой нормой, а полно-

¹ Памятник хранится в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, ф. 301 (ЦАМ КДА), № 415 Л.

² Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція української кириличної рукописної книги: Уставні та півуставні кодекси кінця XIII — початку XVII ст. / Відп. ред. Л. А. Дубровіна; НАН України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2016. С. 291.

³ Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1. С. 87.

⁴ Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція... С. 292–293.

ударные формы обычно имеют семантическую причину⁵ — в Четье, как правило, это эмфатическое употребление или противопоставление. Дублетные формы фиксируются в ACC (мѧ, тѧ // мене, тебе) и DAT (ми, ти // миѣ, тобѣ). В исторических грамматиках белорусского (ACC мя, тя // мене, тебе и DAT ми, ти // мѣнѣ, тобѣ, тебѣ)⁶ и украинского языка (ACC ми, ти // мене, тебе и DAT ми, ти // мѣнѣ, мѣнѣ, тобѣ, тебѣ)⁷ приводятся сходные оппозиции.

Примеры дублетных форм в ACC: жаденъ въ не напоисте мѧ нагъ въ не вблекосте мѧ (л. 289 об.); прииди воспытаем тѧ июдо· того дѧа продаешъ га· уи оулишилъ тѧ уимъ ѿ вѣнкъ свой· не тое жь ли ути оучастникъ еси былъ· коли ноги хѣтъ в'чнкѡ своимъ оумывѧ· своими стѣми роукѧми· такъ же и твои оумы· не в'лишилъ тѧ ѿ оуѣнкъ свой· ни вдное уѣти· а ты предати его стѣю млѣтъ въшроужилъ сѧ· а онъ ниумѣтъ не хотѣлъ ѿ апостоловъ ѿлѣ-уити тебе· а вѣдаѧ лестъ твою и веверати тобѣ велѣ со собою· <...> а онъ реклъ на вевери· хто ден со мною· в' солило рѣкоу мноуѣ· тотъ мѧ предасть· (лл. 319 об.—320); помилви мѧ не веди его сѣмъ· его бо голосъ мене оустраши· (л. 321 об.); прошю тебе· не веди его сѣмъ· (л. 322);

и в DAT: занѡ д'аченъ въ· не дасте ми гисти· (л. 289 об.); приидѣте ко миѣ вси троужающи сѧ вѣрѣменени· (л. 299); а не реклъ тобѣ· предасть· оустанъ ѿ вевери предателю мои· занѡ негодно тобѣ со мною веверти· (лл. 319 об.—320); и исъ тѡ реклъ еи· жено по вѣре твоен боуди тобѣ· какъ же хоцеши· (л. 321); и оумерлъ въ лазорь дрѣгъ его· похвѣти дѣшу его· и приведохъ его к тобѣ брате мои аде· (л. 321 об.); и реклъ аде дѣвѣволоу· лиши сѧ его· штобы ти не было горѣки· (л. 322 об.); и аще ти сѧ приключѣи волѣзнь· не оузложи хоулы на бѧ· (л. 301 об.).

Следует отметить, что в грамматиках Лаврентия Зизания 1596 г. и Мелетия Смотрицкого 1619 г., отразивших «простомовные» языковые черты в отдельных дефинициях и некоторых грамматических конструкциях, эти формы личных местоимений приводятся как синонимичные: DAT миѣ, тебѣ и/или ми, ти; ACC мене, тебе и/или мѧ, тѧ⁸, без уточнения возможной семантической или синтаксической дистрибуции. В единственной «простомовной» грамматике, написанной на латыни И. Ужевичем и появившейся в 1643 г., представлены сходные варианты форм: DAT мне, миѣ, тебе, тобѣ и/или ми, ти; ACC мне, мене, тебе и/или мѧ, тѧ (лл. 18–18а). Дублетные формы личных местоимений в «простой мове» могли появляться из-за

⁵ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки русской культуры, 2008. С. 132.

⁶ Янкоўскі А. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Вучэб. дапаможнік для філал. фак. пед. ін-таў. 2-е выд., выпр. і дап. Мінск: Выш. школа, 1983. С. 147.

⁷ Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору). Ужгород: Закарпатське обласне видавництво, 1960. С. 146.

⁸ Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой, предисловие Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М.: Издательство Московского университета, 2000. С. 67, 259–260.

польского языкового влияния: ДАГ *mnie, mi; tobie, ti*; АСС *mnie, mię, mie; ciebie, cię, cie*⁹.

При употреблении личного местоимения 1 л. ед. ч. в Четье наблюдается стилистическая дистрибуция: церковнославянская форма азъ используется в прямой речи, принадлежащей Господу, чтобы подчеркнуть божественную сущность, или в словах Иоанна Златоуста как Отца Церкви, богослова и истолкователя Священного Писания. Напротив, речь пророков или апостолов передается с «простомовной» формой ја, которая очевидно, была присуща живой речи уже в XI в. (по крайней мере, ее фиксации встречаются уже в памятниках начала XII в.¹⁰). В грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого подобной дистрибуции не зафиксировано, приводится только церковнославянская форма азъ. В исторических грамматиках белорусского и украинского языка указывается форма јаъ¹¹.

Примеры прямой речи, принадлежащей Господу: рѣ во гь законъ даа людемъ своимъ не сотворѣте на земли подобна образу моему. нѣ во ба развѣ имене. ни на небѣхъ ни на земли. ни въ водѣ. азъ во роукою моею оутвердѣ нѣса. азъ же постави солнце на просвещѣние члвкомъ. азъ поточихъ источники и рѣки. мога бо есть вселенна. и конецъ ея не хощу во смерти грѣшникѣ. но спина и жадаю любя рода члвчскѣ. не могуци видѣти его. в леств дьяволу оупадшаго. но того ради соидѣ с нѣси на землю. неизреченно вселихъ сѧ во ютробѣ пречѣтое бѣе. присно дѣи мри. (л. 290 об.); глеть во гь. не такого поста азъ прошѣ ѿ вѣ. (л. 292 об.); протѣ хощете ль послушати. и азъ сповѣдаю вамъ. хто есть црь. црь есть хсъ бгъ. а земля што кипаше вбилиемъ влагимъ. то есть стѣна цркви. (л. 298 об.)

Прямая речь от лица пророков и апостолов: дроугни прркъ рекль. ја враздѣлѣ. што имаю емоу служити. <...> и нынѣ рекль. ја враздѣлѣ. што вункъ его имѣе предати. и рекѣ. гадьи мои члвкъ. вунилъ есть на мѧ леств. (л. 318); и рекохъ ја иванъ [Иоанн Богослов]. ги оуслыши гла раба твоего. (л. 372 об.)

Или ср. фрагменты, в которых повествование ведется от лица дьявола: и дьяво емѣ рекль. ничего не в'лакан сѧ брате. не баи ихъ словъ. не бои сѧ нимала. ныне бо пришѣ. к нимъ ивѣ кртитель. веселитъ ихъ. заномъ великии рѣчункъ есть. коли онъ на земли бѣ живѣ. и онъ много повѣдѣ о томъ члвце. а рекъ. ни. што хсъ спсѣ нашъ есть. избавитель всѣхъ нѣ. и ја вшѣ. во иродовѣ женоу. помощницу мою и любовницу. и тою возмѣтилъ еси црѣ. и онъ того ивана. на вѣдѣ сталъ. и далъ его головоу. дочьцѣ свои дѣци. и она кѣ таблокомъ играла. головою его. (лл. 318 об.–319); ѿшѣ еси далеко ѿ него. и тамъ знашѣ еси доброго молодца. вшѣдъ в него жѣ еси. и онъ ни самъ не вѣдаю ѿколъ

⁹ *Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. S. 157.

¹⁰ *Бевзенко С. П.* Исторична морфологія української мови... С. 151.

¹¹ *Янкоўскі А. М.* Гістарычная граматыка беларускай мовы... С. 147; *Бевзенко С. П.* Исторична морфологія української мови... С. 146.

пришолъ· запретишь ми· вѣлѣ выити с него· и иа вышѣ из молодца· и не нашолъ лиѣста коуда поити· и проси его· вы ми а оу свиныхъ далъ моцъ· (л. 321).

II. Русский, белорусский и украинский языки относятся к С-системам, не имеющим кластеризуемых клитик¹². Тем не менее последние в памятнике частотны, и некоторые закономерности в их употреблении все же наблюдаются.

Возвратная частица *ся* может употребляться в Четье как до, так и после фонетического слова в клаузе. Стоит отметить, что в древнепольском языке, оказывавшем сильное влияние на развитие «простой мовы», возвратная частица *się* тоже не имела фиксированного места и могла находиться как до или после глагола, к которому она относится, так и отрываться от него¹³. Кроме того, в западно- и южнославянских языках нет запрета на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актантажной группы. В ряде примеров в памятнике *ся* стоит в новой позиции, в древности запрещенной, что является нарушением закона Ваккернагеля¹⁴, и синтаксически характеризует специфику языка Четьи:

зановѣ бо в'си вельми сѧ радѣють слышауи ѡ немѣ· (л. 319); а шнѣ какъ простыи ѹлѣкѣ смерти сѧ боалѣ· (л. 324 об.); разбонникъ есть дывалъ· што имѣнью сѧ радоеѣ· (л. 310) и др.

Самая, пожалуй, распространенная позиция *ся* — после полноударного слова (или слов, см. лл. 293 об., 319, 340 об.; или, реже, в цепочке клитик, как в примере, см.: л. 301 об.), непосредственно перед глаголом, к которому она относится:

аще хто гнѣвъ имѣа· в стѣю црковѣ идетъ· бѣ сѧ молити· (л. 293); ѿ чистѣ срѣца боу сѧ молити· (л. 293 об.); аще воздержимъ· тѣлы ѿ обыаѣдѣннѣа· а дѣшею ѿ пыанства· вгодимъ боу благини дѣлы· (л. 294); аще ти сѧ приключи волѣзнь· не оузложи хоулы на ба· (л. 301 об.); всакъ ѹлѣкѣ хрѣтянинъ· хотѣ стѣмъ постѣ· ѡ бзе сѧ присвонти· долженъ есть правое· пошѣние исполнити· (л. 303 об.); тогда какъ сѧ ѡлоучилъ числа апльскаго иудѣа· (л. 320); и реклѣ имѣ ангѣлъ што сѧ тавилъ имѣ· (л. 328 об.); а многимъ сѧ наоурагаѣ· (л. 340 об.); такъ же и пыаници инымъ сѧ оусмехають· а сами тако свиныхъ в лѣжи сѧ валаю· (л. 340 об.); почали сѧ дивити· (л. 343); боу сѧ молѣмъ (л. 351); а смерти сѧ не боалѣ· (л. 320 об.).

Употребления *ся* в цепочке клитик с причинным союзом *бо* ('потому что') являются синтаксическими клише. Они встречаются в других «простомовных» памятниках (первый пример из Евангелия В. Тяпинского ок. 1580 г. (далее ЕТ)) и выступают как часть персуазивного дискурса:

ѹр'вонетѣца во сѧ нѣво [Мф 16:2]; не раоуетъ во сѧ бѣ· ѡ впадающѣ во грехи· (л. 291); приближи во сѧ ва црѣво нѣное· (л. 296 об.); воиди во сѧ·

¹² Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. М., 2012. № 5. С. 32.

¹³ Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego... S. 199.

¹⁴ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики... С. 81–82.

(л. 328 об.); клящущѣ во сѧ вѣтъ покаяние принемать (л. 309 об.); привлѣжи во сѧ вѣтъ црѣво нѣное (л. 309 об.); радѣуетъ во сѧ вѣтъ в спѣнии нашеи (л. 313 об.); привлѣжи во сѧ вѣтъ црѣво нѣное (л. 313 об.); воплѣснитъ во сѧ ис тебе (л. 325); не сорѣмаетъ во сѧ (л. 328 об.); сѣтвори во сѧ тогда оу сѣборе дивное чюдѣ (л. 352 об.).

Возвратная частица также может отделяться от глагола агенсом или дополнением, выраженным, как правило, личными местоимениями, а также наречиями (пакъ, вельми). При этом возможна пост- и препозиция относительно глагола:

такѣ сѧ вѣтъ рѣскалѣ в гнѣвѣ свое (л. 329 об.); коль краты сѧ вѣтъ шѣцаещи (л. 369 об.); ныне сѧ мое прѣрѣство исполнитѣ (л. 324 об.);

што сѧ наитъ пригаждѣ (л. 330); оумѣ сѧ его прѣменилѣ (л. 307 об.); того ради преже стѣрасти слово чтѣт сѧ да сѧ к нитъ приготовилѣ (л. 311); трѣсоу во ни сѧ состави и члѣнокѣ оустрашаѣтъ ми сѧ срѣ (л. 319 об.); вже сѧ товѣ привлѣжила моука (л. 360);

ашѣ сѧ пакъ вслабилѣ то вѣ вечнѣ моукоу пѣдемѣ (л. 310); азъ же сѧ вельми разгнѣва на него (л. 321).

Частица *ся* может «отрываться» от глагола и оказываться в пре- или постпозиции относительно глагола, к которому она относится, будучи в составе сложной глагольной формы или наклонения:

што сѧ если запрѣлѣ его (л. 328 об.) — в составе перфекта;

всѣле не имѣтъ ми сѧ прѣвети (л. 321 об.) — в составе сложного будущего I;

рѣ во дѣтъ да сѧ исправѣ митѣ мѣта (л. 308 об.) — в составе повелительного наклонения;

коли вѣ нитъ с него силы знагалъ вѣх сѧ с нитъ и перѣже (л. 322); штобы сѧ не порѣдовали нашитъ вѣзакѣнѣтъ: того ради мѣлѣ сѧ члѣколюбѣ боу (л. 305) — в составе условного наклонения.

Как видно из последнего примера, *бы* может не быть энклитикой, если это начальное полноударное слово в абсолютном начале клаузы (ср. маркированные «простомовные» формы типа *высь*, *высмы* и др., образованные под влиянием польского условного наклонения: *by* + показатель лица и числа (*by-śmy*, *by-ście*)). Это возможно, если *бы* выступает в функции союза, не характерной для энклитики¹⁵. Аналогичные формы, сформировавшиеся под польским языковым влиянием, встречаются и в ЕТ: *ажѣгы*, *авгы*, *ижѣгы*, *жѣгы*¹⁶. Зализняк называет подобные употребления проклитико-энклитическими комплексами¹⁷: *да+жѣ=дажѣ*, *да+бгы=давы*.

¹⁵ Вимер Б. Между наклонением и фоссиллизацией: о многоликѣ судьбѣ клитики *бы* // U prostoru lingvističke slavistike: Zbornik naučnich radova. Povodom 65 godina života akademika Predraga Piperera. Београд: Филолошки факултет, 2015.

¹⁶ Смирнова Е. А. Евангелие Василия Тѣпинского. К реконструкци глагольной системы «простой мовы» / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяновѣдения РАН, 2024. С. 85. DOI: 10.31168/7576-0507-4

¹⁷ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики... С. 76–77.

Уада мога· раоуеть сѧ срѣце мое ѡ вѧ· да выстѣ блго сотвориши· (л. 293 об.); размыслмно брае· хто бы хотѣлъ ѡрѣдовати къ црю· преже бо· до старшего слѣги придетъ· дабы его ѡвѣститъ· а воудѣ в чомъ согрѣшилъ· то вельми ѡ немъ печалуеть сѧ црь· дабы ѡправданъ бы· (л. 298); гююще· ажъ бы тѣла своѧ соблюсти· (л. 310 об.); атъ бы не вшѡ сѣмо· затвори· (л. 324); ажъ бы хомъ вѣрили· што жь посполь имаемъ оустати из мертвѣ вѣси· (л. 325 об.); да выхом сѧ не соблюдили разоумѡ дыволимиъ блгудѡ· (л. 363 об.); помазати стое тѣло е· абы вѣстимъ было· (л. 328); оуказываючи имъ· ажъ бы видѣли мѣсто гдѣ лежѧ· (л. 328 об.); англъ реклъ жонѧ· абы повѣдали апломъ· штобы шли в галелѣю· (л. 329); абыхом сѧ наказнили· и ѡплѧ исправили сѧ· (л. 329 об.); ажъбы даромъ пригажало сѧ на насъ· (л. 330).

В современном польском языке *by*, начинающее клаузу и одновременно выступающее в качестве союза, присоединяющего придаточное предложение, также является показателем сослагательного наклонения. Эта союзная функция *by* более поздняя, что связано с изменением поведения энклитики¹⁸.

Во второй части Четьи четыре раза фиксируется частица *чи*, с дополнительным модальным значением, характерным для древнерусских памятников и близким современным частицам *разве, неужели*¹⁹: *прииди воспытаем тѧ нюдо· чого дѧ продаешъ гѧ· ѡи оулишии тѧ чимъ ѡ вѣнкъ своѧ·* (л. 319 об.); *ѡи не говорилъ ти есмь· лиши сѧ его·* (л. 324); *ѡи забыла еси· но мы не забыви· оускорѣ написахомъ ваша дѣла· еже согрѣшила еси оу стое воскреснѣ·* (л. 356); *ѡи забыли есте своѧ злы дѣла· но мы не забыли·* (л. 366). В риторическом вопросе частица приобретает дополнительное модальное значение сомнения, предположения. Обычно для говоров украинско-белорусского пограничья указывают как характерную черту употребление вопросительной частицы *ти*, а *ци* и *чи* (*чы*) рассматриваются в качестве равноправных фонетических вариантов²⁰. Вариативность *ти* // *ци*, вероятно, связана со свойственной белорусскому языку аффрицированностью [т'с'], или цеканьем²¹. Вариативность *ци* // *чи*, по материалам памятников XI–XIV вв., также существенных отличий не отражает и позволяет рассматривать их, несмотря на различное происхождение, как варианты одной единицы²².

¹⁸ Вимер Б. Между наклонением и фоссилизацией...

¹⁹ Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и в современных диалектах // Вопросы русского языкознания. Функциональные и семантические характеристики, высказывания, слова / Под ред. М. Л. Ремневой и Е. В. Клобукова. М.: Изд-во МГУ, 2000. Вып. 8. С. 212.

²⁰ Рыко А. И. Вопросительная частица vs. разделительный союз: ти в говорах русско-белорусского пограничья // Северно-русские говоры / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. Вып. 17. С. 184, 186.

²¹ Карский Е. Ф. Белоруссы. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1908. Т. II. С. 434, 449.

²² Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ)... С. 210–211.

III. Синтаксическая структура памятника характеризуется наличием регулярных анафорических цепочек с местоимениями и последовательным / параллельным подчинением. В описываемых случаях антецедент и местоимение кореферентны, то есть обозначают один и тот же объект (полужирным выделен антецедент, подчеркиванием — заменяющее его местоимение).

Примеры последовательного подчинения: поидѣмъ оу благоую **жизнь**· в ню же зоветь ны гѣ бѣ глѣ· покаите сѧ· (л. 296 об.); и причастници выхѣ пречутого его тѣла· и стѣна **крови**· ею же смылѣ ульческиа грехи· и смертъю своею оживилѣ ѿ века **оумершага**· ихъ же ради соше во адъ· (л. 335); поидѣмъ ко боу чистымъ сѣцемъ· с теплыми слезами· о свой **грѣсѣ** оупоманѣи сѧ· о нихъ же воудемъ оу страшныи днь ѿвечати· коли вси станемъ прѣ гмѣ бгомъ· и не воуди намъ тѣжко· нищего призрети· **млтню** дати· **та** во много намъ помагае· (л. 292 об.);

Примеры параллельного подчинения: аще хошете оубѣдати што есть **алчуба**· алчуба оубо есть крмѣ млтнн· **то** во есть бжне стѣжанне· **тою** во приближимъ сѧ небоу црѣвию· (л. 308 об.); и мрна магдалыни· мрна· инаковла· и соломонни· кѣпили драматы миро· и хотѣтъ пришедше помазати гѣ· **разъ**нно было бытиє· и жаданне **ты жень**· **што** вѣдати· и видѣти идоу· гдѣ положенъ бѣдетъ хсѣ· да пришедше споведають вѣнкѣ· воскресение и радость принесоу· **родъ** во жѣньскии· **што** перѣ вооуженъ бѣ в раи· прельщѣнниа ради змииного· **тот** же нине принимае добрю честъ и видѣнне· (л. 327 об.).

Еще одной характерной чертой языка Четвы является частотное определительное местоимение *сам*, которое может выражать кореференцию с субъектом предложения, функционально сближаясь с категорией возвратности²³. Причем возможна кореференция внешняя, с антецедентом в предшествующем контексте вне данного предложения, и внутренняя, касающаяся членов одного и того же предложения. Местоимение употребляется в памятнике в разных значениях, в первом и третьем из которых выражается кореференция:

1) значение отделения / противопоставления лица или предмета от других лиц или предметов: лютѣ товѣ дшо· любодѣиа вооужае· а **сама** воудѣчи любодѣинница· татие оукарѣшь· а **сама** како звѣрь чюжее еми· лоукавы члѣкы не любѣ· а **сама** лестью расѣсти сѧ хошешь· сѣцемъ лстивымъ· на дръга сѣтъ готовѣ· а на **самого** гѣла оуготовлена· горе товѣ дшо· (л. 355 об.);

2) для подчеркивания значимости, особого веса и величия лица или предмета: аще хто црѣковъ бжню wskвернить· wskвернить **самого** бѣ· (л. 364);

3) для подчеркивания, что действие или состояние распространяются и на определяемое лицо или предмет; в значении 'тоже', 'также', 'и': не помиловавши· **саии** ѿ гѣ непомиловани воудоу· (л. 370 об.).

²³ *Adamec Př.* Рефлексивность и местоимение сам // *Revue des études slaves*. Paris: Institut d'études slaves, 1994. Т. 66. Fasc. 3. Р. 438.

IV. В Четье регулярно встречаются примеры употребления местоимений с кванторным антецедентом, и подобный тип связи называется *связывание переменной*: местоимение в данном случае выражает переменную, которую связывает квантор. Последний должен линейно предшествовать местоимению, чтобы его связать. Либо квантор должен иметь структурный приоритет (с-command) над местоимением в структуре составляющих — см. Теорию связывания Н. Хомского (Binding Theory), в которой структурно соотносятся разные типы имен и местоимений с их антецедентами²⁴. Аналогичные исследования на материале современных языков проведены в работах Т. Рейнхарт²⁵, Н. В. Ивлиевой²⁶ и др.

Квантор в Четье может выражаться местоимениями: *хто* (в преобладающем большинстве случаев), *которыи*, *всакъ* — объединяемыми гиперонимом ‘всякий, любой’ и входящими в синтаксическую конструкцию: (*всякий*) *кто...*, *тот...*

Частотное употребление кванторов в Четье объясняется прежде всего жанровой особенностью памятника, характеризующейся обобщенным смыслом (генерализацией), а также повышенной функцией воздействия. В ЕТ в роли аналогичного квантора выступает местоимение *которыи* (см. первый пример):

Которыи во кольвекъ унии волю ѿца моего котории е на нвсѣ. **тотъ** в'ратъ мюи. и сестра, и мат'ка ми естъ. [Мф 12:50]; **аще хто** слышавъ сиа словеса. а не иметь блюсти. **тѣ** предадѣ воудѣ моуце в'чунюи. огню невгасимому. (л. 294); **хто** приемиѣ в домъ свои нишиа. **то** самого хѣ приемиѣть (л. 295); **хто** творѣ волю б'жию. **тотъ** не погивеѣтъ в в'чки. (л. 296 об.); **хто** трѣдит сѧ хѣ ради. **томиѣ** готовает сѧ венець. (л. 312); а **хто** нишииѣ м'лтно творити. **томиѣ** готовиѣ б'тъ неизрѣннага благага. а **хто** вратъи своее не любѣи. **томиѣ** готовить м'кочу в'чунюи. (л. 348 об.); а **хто** заповеди его не иметь творити. **тотъ** всѣдит сѧ со грѣшники в м'кочу в'чунюи. гдѣ не воудѣтъ помилваннага ѿ б'а. а **хто** волю е творити. и заповеди его твѣрдо блюдетъ. **томоу** готовить г'б б'тъ нѣное цр'тво. (л. 351 об.); а **которыи** не гораздо слышитъ. **тѣ** пытаѣтъ пережъ слышавшаго. (л. 345 об.).

Субстантивированный атрибутив *тотъ* и субстантив *то* в подобных контекстах, как и в деловой письменности XIV–XV вв.²⁷, отсылают ко всему придаточному целиком и выступают в функции детерминатива. Для

²⁴ Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Едиториал УССР, 2002. С. 47.

²⁵ Reinhart T. Coreference and bound anaphora: a restatement of the anaphora questions // *Linguistics and Philosophy* 6. 1983. P. 47–88.

²⁶ Ивлиева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 144–150.

²⁷ Скрипка В. К. Функционирование местоимения *тѣ* (*тотъ*) в деловой письменности XIV–XV вв. // *Litera*, 2022. № 6. С. 61. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138

конструкции с квантором в зависимой клаузе характерным является предложение «архаического типа»²⁸, т. е. позиция предшествования главной клаузе, что типично и для современного русского языка²⁹. Кроме того, «проста мова», являясь языком *pro-drop*, при структурном приоритете квантора допускает эллипсис местоимения в главной клаузе: *аще хѣто црѣковѣ бѣжню ѡсквернить · ѡсквернить самого бѣ ·* (л. 364); *аще хѣто кого ѡсѣди · осѣдитъ самого бѣ ·* (л. 332), но такие употребления являются в Четье скорее исключениями.

Выводы

Четья 1489 г., имея церковнославянскую языковую основу, также включает в себя (на разных языковых уровнях) «простомовные» элементы. В данном исследовании описаны диалектные особенности местоименного узуса, с опорой на синтаксические роли в предложении и семантику.

Четья отражает переходный характер употребления клитик: бо́льшая часть из них кластеризуется, другая имеет более свободное употребление: в частности, возможна постановка *ся* после неодночленной актанта́нной группы. Синтаксические клише с причинным союзом *бо* и клитикой *ся* являются частью персуазивного дискурса и характерной чертой «простомовных» текстов конфессионального содержания. По аналогии с древнепольским языком, частица *ся* в Четье может стоять как до, так и после глагола, к которому она относится, а также дистантно, в пост- и препозиции.

Личные местоимения 1 и 2 лица ед. числа в ACC и DAT имеют дублетные формы, краткие из которых употребляются в Четье в качестве энклитик. Употребление личного местоимения *азъ//я* демонстрирует стилистическую дистрибуцию, отграничивая речь Господа и Отцов Церкви от прямой речи пророков, апостолов, а также дьявола.

Частицы *бы* и *чи*, оказываясь в позиции начала клаузы (т. е. в случае с частицей *чи* — в абсолютном большинстве примеров), меняют в Четье синтаксическую роль клитики на союзную функцию.

Эпидейктическая речь, преобладающая в Четье и включающая, как жанр риторики, восхваления и порицания, характеризуется высокой степенью воздействия и генерализации. Следовательно, в тексте памятника много обобщений, добиться которых возможно при частотном употреблении кванторов (*хѣто*, *которыи* и под.). Синтаксис сложный, представлен многочисленными анафорическими цепочками, с последовательным или параллельным подчинением.

²⁸ Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. *Opera selecta*. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. Вып. 35. С. 77–79.

²⁹ Ивлиева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом... С. 145.

Литература

- Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору). Ужгород: Закарпатське обласне видавництво, 1960. 415 с.
- Вимер Б. Между наклоном и фоссиллизацией: о многоликости судьбе клитики *бы* // У простору lingvističke slavistike: Zbornik naučnih radova. Povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera. Београд: Филолошки факултет, 2015. С. 189–224.
- Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція української кириличної рукописної книги: Уставні та півуставні кодекси кінця XIII — початку XVII ст. / Відп. ред. Л. А. Дубровіна; НАН України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2016. 476 с.
- Граматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицького / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой, предисловие Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М.: Издательство Московского университета, 2000. 528 с.
- Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1. 371 с.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семантика и информатика. Opera selecta. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. Вып. 35. С. 59–107.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки русской культуры, 2008. 281 с.
- Ивлиева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 144–150.
- Карский Е. Ф. Белоруссы. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1908. Т. II.
- Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и в современных диалектах. // Вопросы русского языкознания. Функциональные и семантические характеристики, высказывания, слова / Под ред. М. Л. Ремневой и Е. В. Клобукова. М.: Изд-во МГУ, 2000. Вып. 8. С. 209–220.
- Рыко А. И. Вопросительная частица vs. разделительный союз: *ти* в говорах русско-белорусского пограничья // Северно-русские говоры / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. Вып. 17. С. 184–204.
- Скрипка В. К. Функционирование местоимения *тъ* (*тоть*) в деловой письменности XIV–XV вв. // *Litera*, 2022. № 6. С. 56–65. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138
- Смирнова Е. А. Евангелие Василия Тяпинского. К реконструкции глагольной системы «простой мовы» / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. 416 с. DOI: 10.31168/7576-0507-4

- Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления* / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Едиториал УССР, 2002. 480 с.
- Ужевич И. Грамматика славянская (рукопись). Париж, 1643.
- Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания. М., 2012. № 5. С. 3–37.
- Янкоўскі А. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Вучэб. дапаможнік для філал. фак. пед. ін-таў. 2-е выд., выпр. і дап. Мінск: Выш. школа, 1983. 271 с.
- Adamec Př. Рефлексивность и местоимение *сам* // Revue des études slaves. Paris: Institut d'études slaves, 1994. Т. 66. Fasc. 3. P. 437–440.
- Reinhart T. Coreference and bound anaphora: a restatement of the anaphora questions // Linguistics and Philosophy 6. 1983. P. 47–88.
- Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 224 s.

References

- Adamec, Př., 1994. *Reflexivity and the Use of Pronoun '(one)self'*. In: *Revue des études slaves*. Paris: Institut d'études slaves. Vol. 66. Fasc. 3, pp. 437–440. (In Russian).
- Bevzenko, S. P., 1960. *Historical Morphology of the Ukrainian Language (Essays on Inflection and Word-formation)*. Užgorod: Zakarpats'ke oblasne vidavnicтво. (In Ukrainian).
- Cimmerling, A. V., 2012. *Word Order Systems in Slavic Languages*. In: *Voprosy Jazykoznanija*. Moscow. № 5, pp. 3–37. (In Russian).
- Gnatenko, L. A., 2016. *Paleographic and Spelling Attribution of the Ukrainian Cyrillic Handwritten Book: Statutory and Semi-statutory Codes of the late XIII — XVII centuries*. Vidp. red. L. A. Dubrovina; NAN Ukraïni, Nacional'na biblioteka Ukraïni imeni V. I. Vernads'kogo, Institut rukopisu. Kiïv. (In Ukrainian).
- Jankoўski, A. M., 1983. *Historical grammar of the Belarusian language*. Textbook for the Faculty of Philology of pedagogical universities. Minsk: Vysshaia shkola. 271 p. (In Belarussian).
- The grammar of Laurentius Zizanius and Meletius Smotrytsky*, 2000. Sost., podg. teksta, nauchnyj kommentarij i ukazateli E. A. Kuz'minovej, predislovie E. A. Kuz'minovej, M. L. Remnjovoj. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Ivlieva, N. V., 2010. Pronouns with a Quantifier Antecedent in Russian. In: *Computational Linguistics and Technologies. Papers of DIALOGUE-2010*. Moscow: RGGU. 9 (16), pp. 144–150. (In Russian).
- Karskij, E. F., 1908. *Language of the Belarussians. 1. Historical Outline of the Phonetics of the Belarussian Dialects*. Varshava: Tipografija Varshavskogo Uchebnogo Okruga. Vol. II. (In Russian).
- Ptencova, A. A., 2000. *The Semantics and Functions of 'ci' (či) in Old Russian Manuscripts of the XI–XIV centuries and Modern Dialects*. In: *Issues of Russian Lin-*

- guistics. *Functional and Semantic Characteristics, Utterances and Words*. Pod red. M. L. Remnevoj i E. V. Klobukova. Moscow: MGU. 8, pp. 209–220. (In Russian).
- Reinhart, T., 1983. *Coreference and Bound Anaphora: a Restatement of the Anaphora Questions*. In: *Linguistics and Philosophy*, 6, pp. 47–88.
- Rospond, S., 2005. *Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 224 p.
- Ryko A. I., 2018. *Interrogative Particles vs. Dividing Conjunction 'mu' in Russian-Belarussian Border Dialects*. In: *Northern Russian dialects*. Otv. red. E. V. Purickaja. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. 17, pp. 184–204. (In Russian).
- Skripka, V. K., 2022. *Functioning of the Pronoun ть (момъ) in Business Writing of the XIV–XV centuries*. In: *Litera*, 2022. №6, pp. 56–65. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138 (In Russian).
- Smirnova, E. A., 2024. *The Gospel of Vasil Tyapinsky. The Reconstruction of the Verb-system of Prosta Mova*. Otv. red. V. S. Efimova. Moscow: Institut slavjanovedenija RAN, 2024. DOI: 10.31168/7576-0507-4 (In Russian).
- The Modern American Linguistics: Essential Directions*. Pod red. A. A. Kibrika, I. M. Kobozevoj i I. A. Sekerinoj. Izd. 2-e ispr. i dop. Moscow: Editorial USSR. (In Russian).
- Uzhevich, I., 1643. *Slavic grammar* (manuscript). Paris.
- Vimer B., 2015. Between mood and Fossilization: on the Multi-facetted Fate of the Clitic 'by'. In: *Inside the space of Linguistic Slavistics: Works of Scientific Works. Papers in Honor of Predrag Piper on the Occasion of his 65th Birthday*. Belgrade: Faculty of philology, pp. 189–224. (In Russian).
- Zaliznjak, A. A., Paducheva, E. V., 1997. *To the Typology of Relative Sentences. In: Semiotics and Computer Science. Opera selecta*. Moscow: Jazyki russoj kul'tury; Russkie slovari. 35, pp. 59–107. (In Russian).
- Zaliznjak, A. A., 2008. *The Old Russian Enclitics*. Moscow: Jazyki russoj kul'tury. (In Russian).
- Žuraŭski, A. I., 1967. *The History of the Belorussian Literary Language*. Minsk: Navuka i technika. Vol. 1. (In Belarussian).